

Восток – Запад

Ксения Петрова

Зов Кайласа

Далеко-далеко в Азии, на границе Китая, Непала и Индии, в Тибете, находится священная гора Кайлас. Уникальная по своему расположению и форме, она почитается последователями четырех религий и является местом паломничества многочисленных верующих.

Индусты считают, что бог-разрушитель Шива вместе со своей женой Парвати пребывает на ее вершине. Одна из глав Вишну-пуран описывает четыре «лица» горы: словно пьедестал всего мира, созданный из драгоценных камней, золота и хрусталя, они ориентированы почти точно по

сторонам света. Аштапада, Канг Римпоче, Ганди-сышань, Юндрунг Гу-це – все это имена «великого снежного» Кайласа. Находясь в центре горных хребтов, символизирующих лотос, эта пирамидальная гора высотой около 6700 м ежегодно привлекает к себе тысячи паломников. В традиции древней религии *бон* Кайлас назывался «Девятиэтажная гора свастики» и считался местом мистической силы и центром древней страны Шангшунг, где и зародилась эта религия. Перекрестные трещины на южной стороне горы напоминают свастику, один из древнейших графических символов, имеющий сакральное значение на Востоке – например, духовного совершенства в буддизме или благополучия в индуизме. *Буддисты* считают Кайлас обителью одного из воплощений Будды, известного под именем Демчок, или Чакра-

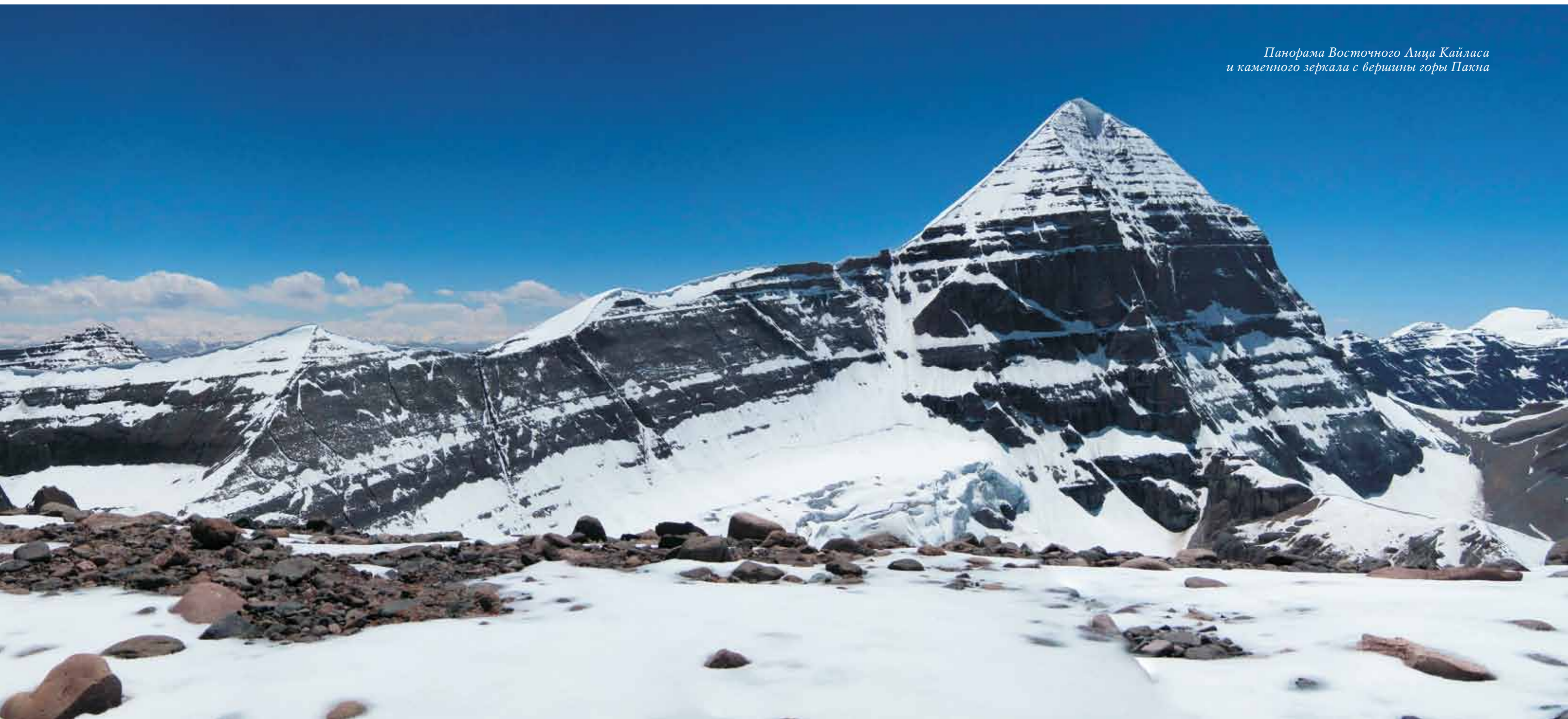
самвара. *Джайны* чтят это место за то, что первый джайн Тиртханкара обрел здесь свое освобождение от череды перерождений.

18 января в Музее имени Н.К. Рериха открылась фотовыставка «Зов Кайласа» путешественника и исследователя духовной культуры Востока Сергея Балалаева. Сто двадцать две фотографии, на которых запечатлена природа Тибета, наполнили своей мощной энергетикой и тонкими вибрациями залы музея. Увлечение Тибетом, рассказывает Сергей, началось с увиденной когда-то картины Рериха. С 2005 года он ездит в экспедиции по изучению «крыши мира», во время которых участники проводят как «внешние», научные, исследования, так и «внутренние», духовные.

«Меня всегда интересовала целостная картина мира, познать который можно двумя основ-

ными путями – экзотерическим и эзотерическим. Один – привычный западному сознанию естественно-испытательский метод наблюдения, эксперимента и последующего анализа. Однако каждый раз после открытия очередной «тайны природы» перед пытливым человеческим взором предстает лишь нескончаемая череда новых загадок. И чем шире диапазон наших знаний о человеке, природе и обществе, тем очевиднее становится необходимость дальнейшего движения человеческой воли и мысли к познанию иной реальности – реальности вселенских Законов Бытия. Для достижения такой цели требуется другой путь – эзотерический, путь мистического, непосредственного чувственно-созерцательного проникновения в живую реальность таинства Мироздания.

Наш мир гораздо ярче и богаче, чем мы его видим на физическом плане, и об этом знают довольно много людей, получивших опыт взаимодействия с тонкими планами. Чтобы приблизиться к пониманию событий реального мира, – убежден Сергей, – необходимо, во-первых, развить в себе органы чувств, способные фиксировать явления иных уровней и адекватно на них реагировать, и, во-вторых, расширить сознание до понимания этих явлений и их связей с событиями видимого мира. Необходимый импульс в этом процессе можно получить в так называемых *местах силы*. Во время наших исследований таких мест в различных странах мы попытались объединить два метода познания – экзотерический и эзотерический. Это тот путь, который ведет нас к познанию самого важного – самого себя, собственного Высшего Я».

Панорама Восточного Лица Кайласа и каменного зеркала с вершины горы Пакна

«Золотой» Кайлас на закате

Каждый год тысячи паломников совершают внешнюю *кору* – священный круговой обход вокруг Кайласа; индусы и буддисты – по часовой стрелке, а джайны и последователи религии бон – в противоположную сторону. Некоторые паломники уверены, что путь длиной в пятьдесят два километра необходимо пройти за один день; другие проходят его за месяц, с каждым шагом делая *простираие* – считается, что пройденная таким образом кора очищает всю карму, накопленную за эту жизнь, а сто восемь совершенных этим способом обходов создадут благоприятные условия для полного Просветления. Те, кто прошел внешнюю кору не менее тринадцати раз, допускаются до внутренней коры – кольцевого маршрута вокруг горы Нанду.

«Пребывание у Кайласа – это определенная ответственность. Ответственность за то, чтобы тот импульс, который каждый получает там, был реализован. А это предполагает последующую каждодневную серьезную внутреннюю работу», – говорит Сергей. Есть несколько замечательных книг,

которые очень полезно прочитать перед поездкой: «Путь белых облаков» ламы Анагарика Говинды, «Исследования в Тибете» Свами Пранавананды, «Справочник по Тибету» Виктора Чена. Правда, последние две книги пока не переведены с английского. Из русскоязычных авторов можно порекомендовать «В поисках Города Богов» Эрнста Мулдашева, «Тибет. На крыше мира» Сергея Волкова, «Код Шамбалы» Юрия Захарова.

Каждый раз участники экспедиции Сергея Балалаева проходят внешнюю и внутреннюю коры. Во время одной из них была пройдена малоизвестная кора Касания Лиц, которую совершают йоги и буддийские монахи, практикующие тантру. Она заключается в восхождении к каждой из четырех граней священной горы. Вот как описывает свои ощущения Сергей: «Когда закончилось восхождение по ущелью, в начале долины стала явственно слышаться музыка. Прекрасная музыка, но совершенно незнакомая. Эта музыка не имела определенного источника, словно множество неизвестных инструментов издавали ее, звук, или, вернее,

ощущение звука исходило отовсюду. Это не был эффект ветра – она слышалась, и когда стихали его порывы. Это не было связано с эффектом высоты – такого не наблюдалось и на больших высотах. Это не было связано с физической усталостью – приходилось и тяжелее. Наиболее точная формулировка – слышимость тела. Как будто все тело ощущало эти вибрации»¹.

Каждый раз участники экспедиций посещают новые, никем до этого не изученные места. Сама мандала Кайласа – природное образование, но на западном гребне внутренней коры были найдены так называемые «скульптуры» – каменные образования со следами обработки человеком. Уникальная энергетика места, располагающая к духовным практикам, наве-

Каменный крест на западном гребне внутренней коры

Каменный ребенок

ла исследователей на мысль, что это какое-то особое древнее святилище, одно из самых высокогорных в мире. «...Казалось, время остановилось. Кайлас, сначала заполнивший все вокруг, вдруг перестал существовать. Точнее, я перестал ощущать разделение между собой и горой, – рассказывает Сергей. – Я был внутри Кайласа или Кайлас был внутри меня, граница исчезла. А потом исчез и Кайлас. Осталась одна только Пустота. Ум остановился. Присутствовало только осознание того, что происходит. Затем появилось ощущение радости. В общем, это состояние трудно описать словами».

Кроме видов Кайласа, захватывающих дух и наполняющих пришедшего на выставку необыкновенным ощущением причастности к какому-то таинству, здесь были представлены и фотографии древнейших озер, каждое из которых тоже является священным для многочисленных последователей восточных религий. Второе по величине в Тибете соленое озеро Нам-Цо («Небесное озеро») в недавнем прошлом было местом особого па-

¹ См.: Зов Кайласа: Фотоальбом. М.: ИД «Кодекс», 2010.

ломничества – его несколько небольших необитаемых островов пилигримы использовали для уединений с целью занятия духовной практикой. В конце зимнего сезона они добирались до островов пешком, неся с собой все необходимые вещи и провиант, и оставались там, практикуя, все лето, до «нового льда». В настоящее время эти ретриты запрещены китайскими властями. К озеру Лхамо Латсо («Озеру оракула»), приходили верховные тибетские монахи, перед тем как отправиться на поиски реинкарнации очередного Далай-ламы. Ле-

генда гласит, что богиня Палден Ламо, обитающая в священном озере, явилась во сне первому Далай-ламе Тибета – Гендуну Друпу и пообещала, что она будет охранять традицию преемственности. Озеро Манасаровар индуисты считают первым из созданных Брахмой, буддисты же уверены, что это то самое озеро Анаватапта, у которого был зачат Будда. Считая, что воды Манасаровар очищают от грехов и продлевают жизнь, паломники увозят из этого «вечно изумрудного озера сознания» сотни канистр, наполненных «живой

водой». Озеро Манасаровар соединяется с другим озером, Ракшас-Тал, десятикилометровой рекой Ганга. Тибетская легенда рассказывает о двух рыбах, одна из которых, спасаясь от другой, и проложила русло этой реки. Согласно же индуистской мифологии озеро Ракшас-Тал было создано царем демонов-ракшасов Раваной, на острове посреди «де-

Озеро Нам-Цо на фоне горы Тангла

монического» озера он приносил в жертву одну из своих десяти голов богу Шиве. «Ракшас-Тал очень красивое озеро, – рассказывает Сергей – В нем не чувствуется никакого негатива. Весной экспедиция в первый раз исследовала два самых больших острова, и на острове Топсерма мы нашли каменные сооружения, подтверждающие сведения Свами Пранавананды о том, что в начале XX века там жил буддийский лама, проводивший свои дни в молитве и медитации. Семь лет он провел на острове, покидая его только один раз в году, зимой, когда вода в озере замерзала, – чтобы пополнить запасы еды. Воды Ракшас-Тал подобны «мертвой воде» и могут смыть всю накопившуюся негативную информацию с тонких тел человека – в это верят не только тибетцы, но и приезжающие сюда туристы и паломники. Существует даже определенный ритуал: перед тем как отправиться в обход Кайласа, надо окунуться в Ракшас-Тал – озеро с «мертвой водой», уносящей прочь все отжившее, а потом совершить омовение в Манасаровар, чтобы его «живая вода» подарила вам второе дыхание и вы могли начать жить заново, без оглядки на прошлое».

Многие народы и религии считают Кайлас центром мира, местом, где проходит ось Вселенной, а весь регион – местом силы, «сакральными воротами», через которые Земля обменивается энергиями с Космосом и где соединяются высшие и низшие миры. «Большинство людей, которые попадают сюда, начинают меняться, и процесс этот продолжается после возвращения», – говорит Сергей. Побывав здесь однажды, можно еще долго ощущать мистику этого пространства – в этом можно было убедиться на выставке «Зов Кайласа».

◀ Вид Гималайского хребта из долины реки Брахмапутры

А.И. Глущенко

Илийский памятник буддийской культуры в Семиречье

Давние торговые и политические связи Запада и Востока сформировали на обширных просторах Азии разветвленную систему караванных дорог, позднее получившую общее название Великий шелковый путь. Веками по нему шли караваны, ехали купцы, послы, путешественники, брели странники. Проходил Великий шелковый путь и по территории Семиречья (тюрк. Жетгьусу), расположенного вдоль хребтов и отрогов Тянь-Шаня. Караванные дороги в этих местах разветвлялись в южном направлении (к Ферганской долине, районам оз. Иссык-Куль, Самарканду, Бухаре, Хиве); восточном – через Тянь-Шань и Джунгарские ворота во Внутреннюю Монголию и Китай или через Хотан и Кашгар в Индию; западном (вдоль рек Чу и Сырдарья к Каспийскому морю) и северном – в районы Алтая и Западной Сибири. Важными транспортными узлами были переправы через многочисленные реки. Здесь формировались крупные стоянки, где путники оставляли следы своих культур.

Один из таких сохранившихся уникальных памятников далекого прошлого находится на юге Казахстана, в Алматинской области, в 25 км от г. Капчагая. Здесь, на правом берегу р. Или, в урочище Тамгалытас, на обломках скал высечены несколько изображений будд и тексты на тибетском, калмыцком и других языках, имеющие в основном молитвенный смысл. Местное население называет это живописное место – Писаные скалы, что, собственно, и является почти дословным переводом с тюркского. Добавим, что «тамга» не просто символ или изображение, а особый знак, имеющий сакральный смысл.

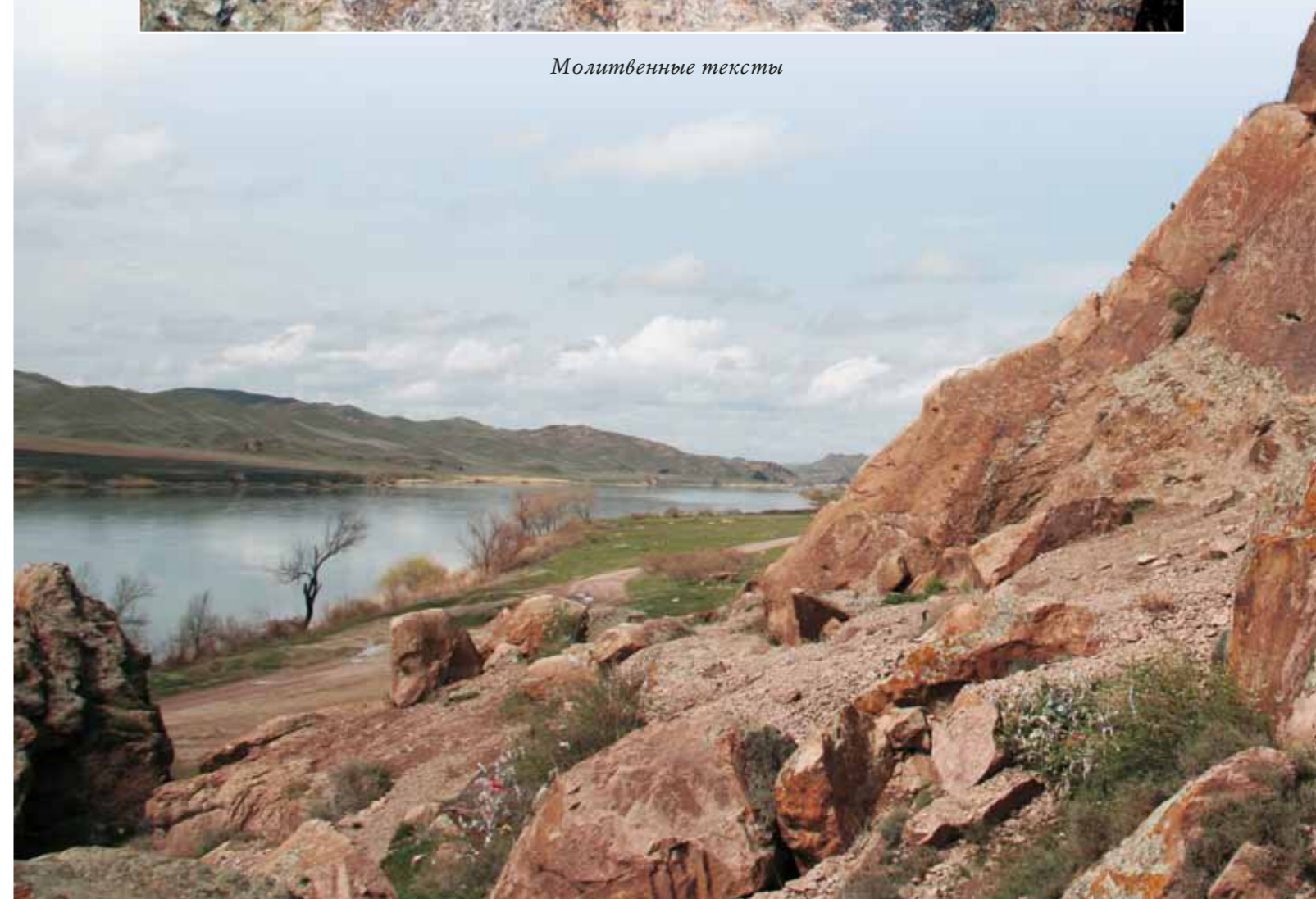
Науке этот памятник культуры известен уже более полутора столетий. Первым его описал Чокан Валиханов¹. Возвращаясь в 1856 году из служебной командировки по кочевьям иссык-кульских киргизов, он останавливался в укреплении Верном (ныне г. Алматы), а затем, продолжая свой путь, задержался на Илийской переправе, где осмотрел и зарисовал хорошо сохранившиеся письмены и наскальные изображения будд². В 1972 году эти рисунки были опубликованы в полном собрании его сочинений³.

В 1884 году илийские скалы привлекли внимание хранителя музея Санкт-Петербургского университета А.М. Никольского во время его поездки по р. Или. Описывая свои впечатления в статье, опубликованной в «Записках Западно-Сибирского отделения Императорского русского географического общества», он кратко сообщил об «огромном изображении человека китайской работы». В том же году в тех же «Записках» появилось сообщение некоего С.В. Фишера. Проплывая по р. Или на пароходе «Святой Николай», он видел на скалах «высеченное изображение идола и надписи».

Прошло еще 13 лет, и в 1897 году к «писаным камням» совершил специальное путешествие А.М. Позднеев⁴. Его сопровождал Н.Н. Пантусов, чиновник при генерал-губернаторе г. Верный, увлекающийся изучением культуры и истории народов Центральной Азии. Они детально описали и впервые сфотографировали изображения. Было обнаружено 18 камней с рисунками и текстами. На трех из них запечатлены изображения пяти бурханов (три – на одном большом камне и два – на других), а также около 50 круп-

Молитвенные тексты

¹ Валиханов Чокан Чингисович (каз. Шокан Уалиханулы, наст. имя – Мухаммед-Ханафия; 1835–1865) – казахский ученый, историк, этнограф и фольклорист, путешественник, просветитель, а также офицер Военного-ученого комитета Генерального штаба.

² Стрелкова И.В. Валиханов. М.: Мол. гвар., 1990. С. 123. (ЖЗЛ)

³ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. Т. V. Графическое наследие. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1972. С. 83, 86, 87.

⁴ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – русский востоковед, монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор. Один из основателей и первый директор (1899–1903) Восточного института. Выдающийся исследователь монгольских письменных памятников и монгольского буддизма.

ных и мелких тибетских, монгольских и калмыцких надписей. Более половины из них – широко распространенные молитвенные формулы. А.М. Позднеев сопроводил снимки исчерпывающими комментариями и объяснениями, на которые в основном и опирались исследователи урочища последующих лет.

В советский период изображения осматривали известные ученые Казахстана: М.А. Хаканович, основоположник казахской школы археологии и этнографии; А.Г. Медоев, геолог, археолог, филолог, знаток тюркской мифологии; А.Н. Марьяшев, археолог, альпинист и педагог; П.И. Мариковский, интересы которого простирались далеко за пределы его основной научной деятельности

в биологии; некоторые западноевропейские исследователи, например Жан-Марк Деом, востоковед из Бельгии. Интересовались памятником и ученые-буддисты. В республиканской прессе о нем писал историк-краевед В.Н. Проскурин, заслуженный работник культуры и член Общества охраны памятников истории и культуры Казахстана, другие авторы.

«Все исследователи Тамгалытаса особое внимание уделяли центральному большому камню, на котором выгравированы в ряд три бурхана. В центре камня изображен самый крупный по размерам бурхан (высота 3,79 м, длина 3,46 м), слева и справа от него – более мелкие фигуры будд. Общая длина выбитых изображений

4 м 17 см»⁵. Размер левого изображения – 1,44 м (высота) на 1,42 м (длина), размер правого – 1,79 на 1,46 м соответственно.

В 1998 году илийский памятник посетил директор Культурного центра при посольстве Индии в Казахстане доктор Фунчок Стобдан, буддист, специалист по буддийской философии и истории. По материалам его исследований 26 ноября 1999 года в Алматы, в Литературно-мемориальном доме-музее М.О. Ауэзова, состоялся вечер «Илийские письмены – мост через века». В своем выступлении Ф. Стобдан охарактеризовал илийские изображения будд как «шедевр центрально-азиатских народов, которые открыто <...> признавали буддизм», появившийся

Будда Шакьямуни (центральный камень)

в Семиречье с развитием торговли и Великого шелкового пути, по которому шли паломники, путешественники, купцы, завоеватели и святые⁶.

Развернутое описание символики илийских изображений было опубликовано Ф. Стобданом в одном из академических журналов Казахстана⁷. По его мнению, сюжет центрального камня, на котором высечены три будды, уникален необычным объединением этих почитаемых в буддизме высоких персон. Эта композиция нетрадиционна и не имеет известных аналогов. По стилю исполнения и метафизической символике каноны изображения принадлежат к тибетской форме ламаистского буддизма, восходят к школе Ваджраяна, которая возникла в Северной Индии, в Кашмире, и позднее получила дальнейшее развитие в Тибете и Центральной Азии.

Приведем расшифровку символики трех будд, выполненную Ф. Стобданом.

В самом центре – Ченраиси, или Будда Авалокитешвара, Будда Сострадания. У него самый пронзительный взгляд и сострадательные гла-

⁵ Григорьев Ф., Железняков Б., Каппасов М. Ламаистское святилище в Тамгалытас // Nomad-Kazakhstan. 2009. №4. С. 68.

⁶ Жумангазин К. Загадка тибетских надписей разгадана // Время ПО. 1999. 30 ноября.

⁷ Стобдан Ф. Образы Будды в Казахстане // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, НАН Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2000. №1. С. 182–185.

◀ Ченраиси, или Будда Авалокитешвара; Будда Манла – Будда Верховной Медицины (центральный камень)

Повелитель водного царства Лу-ван, охранитель освящаемого им места. Рисунок Ч.Ч. Валиханова. Бумага, перо. 1856

за. Он рассматривается как духовный сын Небесного Будды Амитаба, или Безграничного Света, и Облик его имеет метафизический смысл. Ченраиси – одна из бесчисленных форм изображения будд, существующих в земных, небесных и метафизических мирах. Причем если многие из них – исторические будды, то Ченраиси – исключительно мифологический образ, наделенный самой большой властью и являющийся главным покровителем Тибета. Обычно его изображают с множеством рук, от четырех до тысячи. На р. Или – четырехрукий Авалокитешвара в облике принца, носящего тринадцать украшений. Он сидит в позе Будды. Его передняя пара рук сложена в жесте посвящения, верхняя рука держит хрустальную гирлянду, нижняя – цветок лотоса на длинном стебле. Внизу написано по-тибетски: «Я восхваляю Будду Всепростителя».

Слева от Будды Сострадания – Будда Шакьямуни в самый значительный момент своей жиз-

ни – когда он достиг Просветления под Древом Мудрости. Будда изображен как человек совершенной формы и красоты. На его лице, обычно арийского типа, – спокойное и доброе выражение. Волосы завиваются в кольца, одежда простая, без украшений, правое плечо оголено. Он сидит в основании цветка лотоса в позе Свидетеля, правой рукой касаясь земли. Левая рука – на колене, в ней он держит чашу для подаяния. Это самая распространенная поза сидящего Будды в Бирме и Шри-Ланке. Под ним тибетская надпись: «Я восхваляю Будду Шакьямуни».

Третье изображение – Будда Манла, Будда Верховной Медицины, Будда Исцеляющий. В Тибете он широко известен как Король Бериллового Света, в Японии – как бог Бинзуру, или Бидурия (Берилл). Его лицо и тело – цвета индиго. Правая рука находится в положении «Дар Лучшей Награды», что означает милосердие, в ладони – золотой фрукт арура с длинным стеблем. В левой руке – чаша для подаяния из бериллового камня. Под изображением тибетский текст: «Я восхваляю Будду Манла».

На осколках скал запечатлены тексты известных буддийских мантр, главным образом шести священных слогов – *Ом-ма-ни-пад-ме-хум*, на тибетском, пали, уйгурском, монгольском и, возможно, маньчжурском языках. Сочетание этих шести слогов известно с XIII века. Сохранность текстов различна, тибетский и пали читаются более четко. Так считает Ф. Стобдан.

К западу от основной композиции из трех будд, через 15 м, на камне выбит четвертый бурхан. Это Лу-ван, почитаемый как хранитель освящаемого им места. В монгольских мифах он – «могущественный хан драконов» с синим телом и белым лицом. Лу-ван вылупился из змеинового яйца в виде дракона и был возведен богами в ранг управляющего всеми водами на земле и правителя 77 водных царств, чьи подданные родились от него, а затем заселили все озера, ручьи, колодцы и другие водоемы. Над его головой изображаются «драгоценные змеи» в разном количестве⁸.

Пятый бурхан находится на расстоянии 26,5 м к юго-юго-западу от центрального камня. Это

⁸ Григорьев Ф., Железняков Б., Каппасов М. Ламаистское святилище в Тамгалытас. С. 70.

Митюкба (Невозмутимый), или Акшобхья. Его отличительный признак – ваджра на левой ладони. С правой стороны от изображения начертано заклинание, посвященное Акшобхья, и охранительные формулы⁹.

Присутствие ваджры говорит о многом. Обратимся за разъяснением к Е.П. Блаватской. Слово «ваджра» санскритского происхождения, буквально означает «алмазная палица», или скипетр. В Ригведе, первой из четырех священных Вед индийцев, ваджра упоминается как магическое молниеподобное оружие бога Индры, которым он поражает своих врагов. В буддизме ваджра символизирует обладание сверхчеловеческими силами. Владеющего этим скипетром называют Ваджрапани, или Манджушри. Это божество, которому профаны (так у Е.П. Б.) поклоняются как богу, а знающие – как субъективной Силе, истинная природа которой известна лишь единицам¹⁰.

Относительно датировки возникновения илийского памятника у казахских исследователей больших разногласий нет. Они склоняются к версии джунгарского происхождения святилища и поддерживают мнение А.Х. Маргулана, который датировал создание всего комплекса XVII–XVIII веками¹¹.

С.А. Потапов, казахский археолог и специалист по петроглифам, уточняет, что, возможно, комплекс возник в 1646–1654 годах, в период перемирия казахского хана Жангира и джунгарского правителя Эрдени Батура Хунтайджи, когда были восстановлены караванные пути через территории Семиречья¹².

Ж.-М. Деом предложил датировать памятник 1710 годом¹³.

Осторожно высказывается о времени появления изображений будд и бодхисатвы на р. Или Ф. Стобдан. Он считает, что они могли быть созданы уйгурами из Хотана, которые распространяли тибетскую версию буддизма до принятия ими исла-

⁹ Григорьев Ф., Железняков Б., Каппасов М. Ламаистское святилище в Тамгалытас. С. 72.

¹⁰ Блаватская Е.П. Теософский словарь. М.: Сфера, 1994. С. 98.

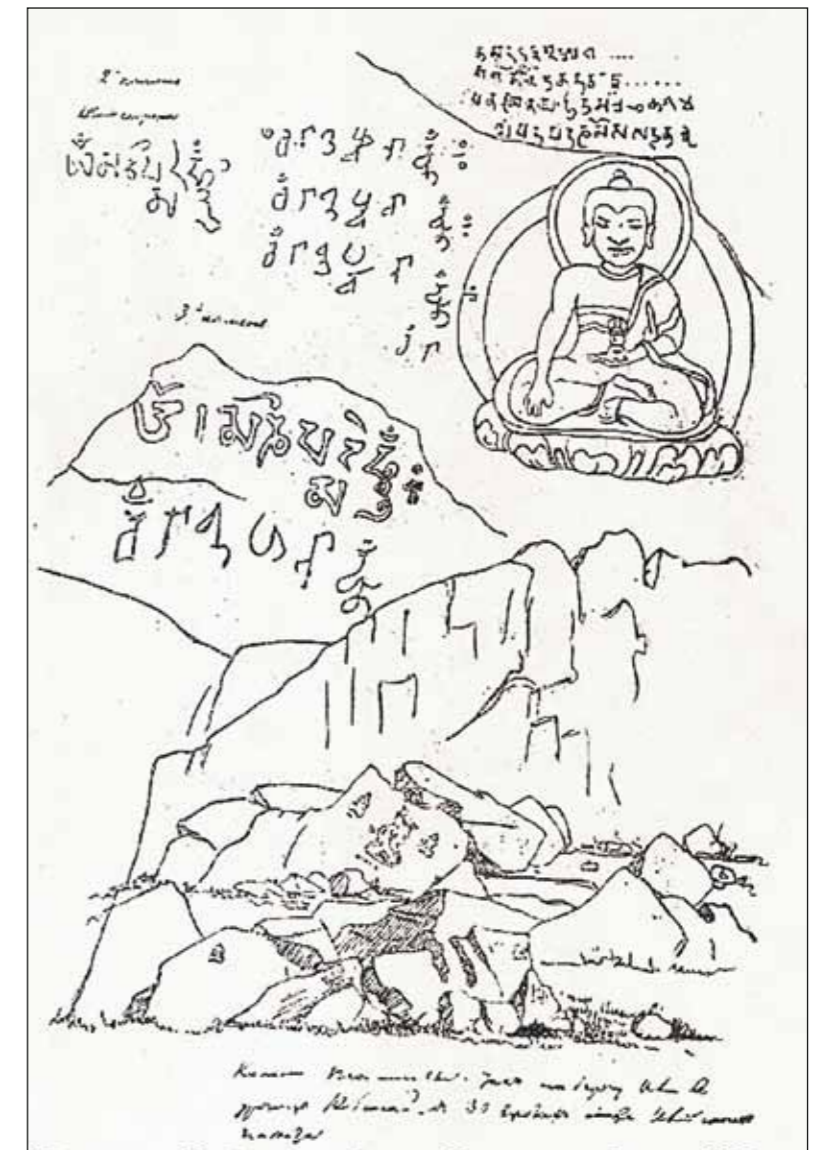
¹¹ Григорьев Ф., Железняков Б., Каппасов М. Ламаистское святилище в Тамгалытас. С. 69.

¹² Там же. С. 69, 71.

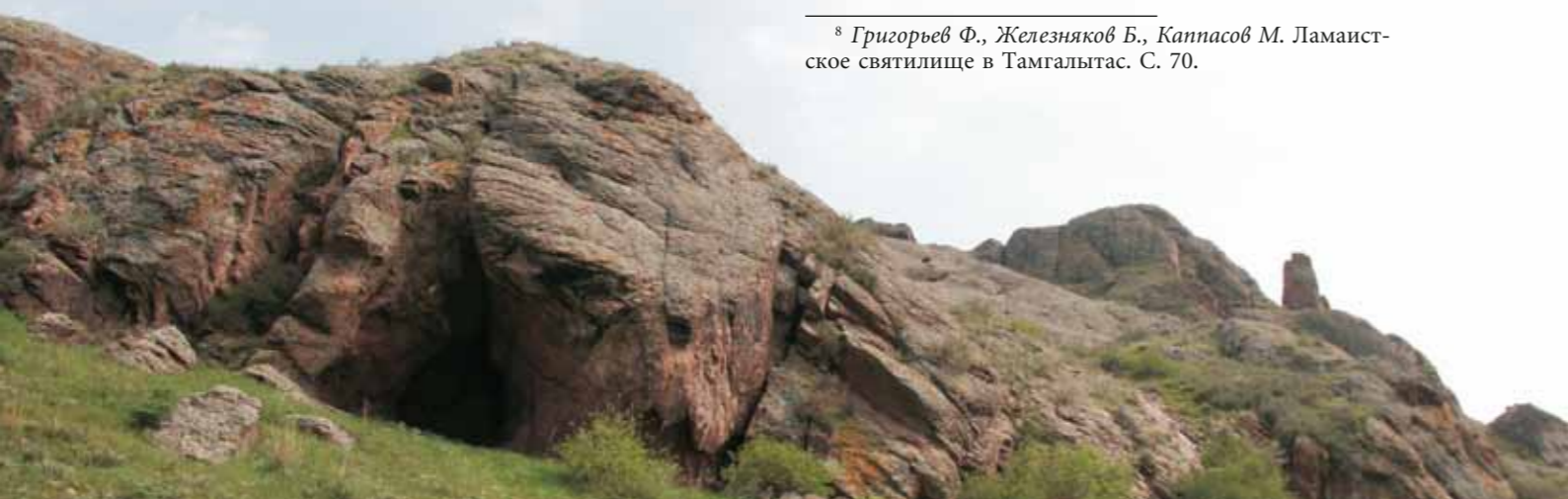
¹³ Стобдан Ф. Образы Будды в Казахстане. С. 182–185.

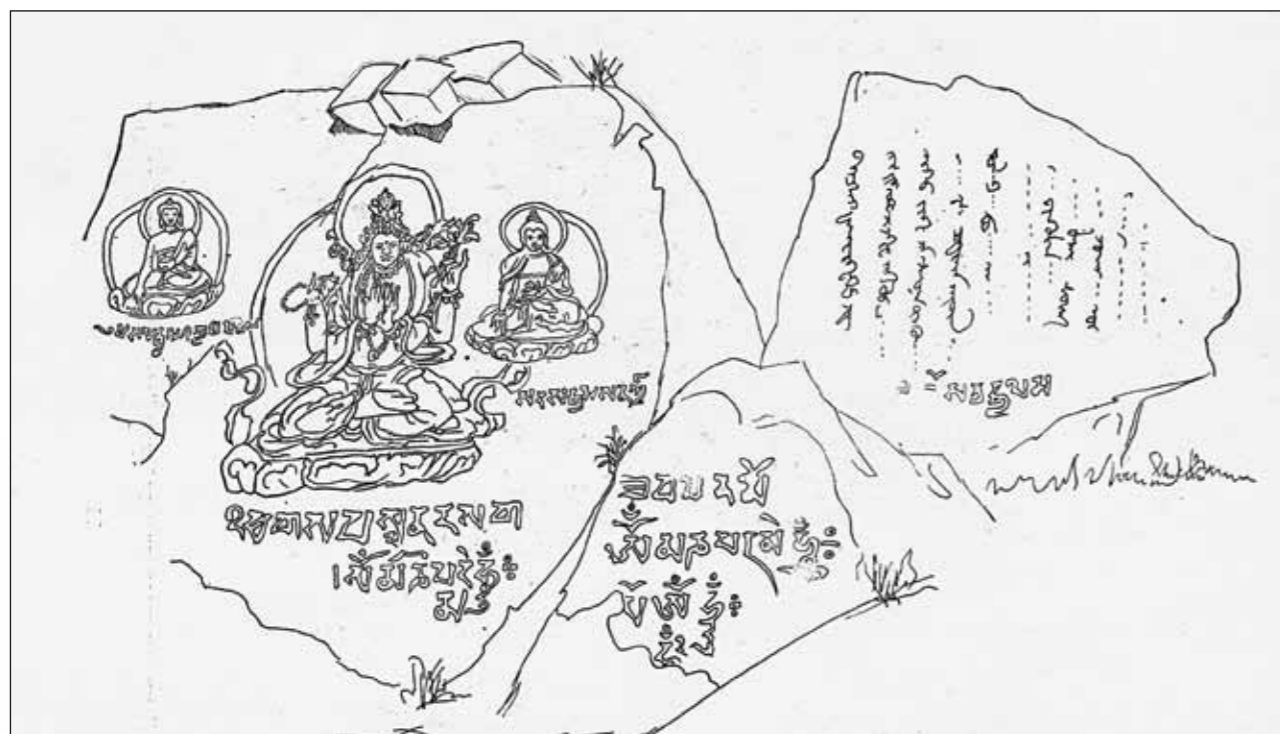
ма в X–XI веках. Возможен более поздний вариант: монголы, калмыки или киргизы, среди которых буддизм начал распространяться в XVI веке. В подтверждение последней версии Ф. Стобдан приводит данные некоторых российских источников, согласно которым, к концу XIX века около 82 тыс. киргизов и 119 тыс. калмыков практиковали Махаяну, одну из школ буддизма. По его мнению, авторами изображений вполне могли быть странствующие калмыцкие монахи.

Большой камень у самой дороги испещрен вертикальными строками калмыцкого письма, текст которого сильно поврежден. Под ним выбит хорошо читаемая строка на смешанном санскритско-тибетском языке: «Поклонись Чойчжи-чжалчану». Авторы статьи «Ламаистское святилище в Тамгалытас» опираются на этот текст для датировки создания комплекса, сообщая о Чойчжи-чжалчане, известном тибетском деяте-

Будда Митюкба (Невозмутимый). Рисунок Ч.Ч. Валиханова. Бумага, перо. 1856

Изображения трех будд на центральном камне. Рисунок Ч.Ч. Валиханова. Бумага, перо. 1856

ле, некоторые сведения, требующие дополнительных уточнений¹⁴. В том числе приводят даты его жизни (1569–1662), последние десятилетия которой приходится на период упоминавшегося перемещения хана Жангира и джунгарского правителя Эрдени Батура Хунтайджи. В начале XVII века буддизм получил широкое распространение в Восточной Монголии и Джунгарском ханстве. Строились монастыри, возводились святилища на основных стоянках караванных путей и кочевков – у речных переправ, подножия гор, на берегу рек, у целебных источников и родников. Вполне возможно, считают авторы статьи, что святили-

ще на берегу р. Или возникло как один из подобных объектов, отмечающих переправу через многоводную и труднопреодолимую реку¹⁵.

Чойчжи-чжалцан упоминается Г.Ц. Цибиковым в его записках «Буддист-паломник у святынь Тибета». Ловсан-Чойчжи-чжалцань (в транскрипции Г.Ц. Цибикова) имел титул панчен-ринпоче (для монголов и китайцев панчен-эрдени), был одним из трех великих лам в иерархии ламаистского мира, к которым относились также тибетский далай-лама и духовный иерарх Монголии в ее столице Урге – ургинский хутухта. Поколения их перерождений велись от времен Буд-

ды Шакьямуни, а ближе к нам – от реформатора буддизма Цзонхавы. Считается, что все они были учениками Цзонхавы, а Чойчжи-чжалцань – ближайшим. Датами его жизни Г.Ц. Цибиков называет 1570–1663 годы. Кроме того, Чойчжи-чжалцань был первым панчен-ринпоче, то есть основателем этой линии перерождений. При жизни он был настоятелем трех крупнейших монастырей Тибета и посвятил в духовный сан ламы самого знаменитого из далай-лам – Великого Пятого (Нгаванг Лобсанг Гьяцо, 1617–1682), был его воспитателем, наставником и соратником в непростом деле объединения разрозненных тибетских княжеств в единое государство. Умер в глубокой старости, на 93-м году жизни, оставив после себя четыре тома сочинений¹⁶.

О роли буддизма в формировании культурного пространства Азии замечательно сказал выдающийся востоковед Ю.Н. Рерих в статье «Культурное единство Азии»: «Несмотря на удивительное разнообразие народов, языков и религий, сложившихся в Азии, внимательный наблюдатель может заметить определенный культурный субстрат, доживший до наших дней и общий для большей части Азии. Это культурное единство было, вероятно, более выраженным в эпоху до X в. н.э., и оно обязано своим существованием буддизму. Именно буддизм с самого своего возникновения перешагнул национальные и политические преграды и первым стал проповедовать единство человечества независимо от национальности. Во многих странах, куда в свое время проник буддизм, он уступил место другим

религиям, и само имя его было забыто, но его культурное наследие сохранилось, хотя зачастую и в новом облачении. Так, *суфийские медресе* в средневековой Бухаре были созданы по образцу буддийских *вихар*, и даже само название Бухара восходит к слову *вихара*, что означает буддийская монастырская школа. Повсюду, куда бы ни проник буддизм, он формировал духовную жизнь и характер народа, обогащал его литературу и искусство и давал ему определенное единство воззрений, что, вероятно, является одним из его высочайших достижений. <...>

Создание могущественной Кушанской империи в I в. н.э., охватившей помимо большей части Северной Индии дальние караванные пути Центральной Азии, облегчило обмен культурными ценностями. Именно в кушанскую эпоху буддизм прочно укрепился в Центральной Азии, к западу и к востоку от разделительной линии Памир – Тянь-Шань. <...>

<...> в столетия, предшествовавшие приходу ислама (в VIII–IX вв. – в западную часть Центральной Азии, в X–XIV вв. – в восточную часть), существовал непрерывный пояс буддийских культур от берегов Аральского моря на западе до Тихого океана на востоке. <...>

Интересная, но малоизвестная и почти забытая страница в культурной истории Азии рассказывает о путешествиях индийских *садху*, буддистов и небуддистов, ходивших в Бамиан и далекий Утайшань, пересекая горные преграды Тибета, следуя по караванным путям мимо Памира в пустыни Восточного Туркестана. Никакие

¹⁶ Цибиков Г.Ц. Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991. С. 140, 187.

¹⁴ Григорьев Ф., Железняков Б., Каппасов М. Ламаистское святилище в Тамгалытас. С. 71.

¹⁵ Там же.

Современный вандализм

препятствия, ни природные, ни политические, не могли им помешать. <...>

Буддизм, проникший и завоевавший прочные позиции среди оседлых иранских и тохарских племен, живших в оазисах вдоль караванных путей в бассейне Тарима, медленно и постепенно распространялся среди кочевых тюркских племен на севере. Последние исследования русских археологов в Киргизии показали, что буддизм был известен среди конфедерации западных тюркских племен¹⁷.

Из этой цитаты выделим следующие положения:

1. Буддизм прочно укрепился в Центральной Азии в кушанскую эпоху.

2. В период до X в. н.э. буддизм был широко распространен «от берегов Аральского моря на западе до Тихого океана на востоке». Следовательно, в этот пояс входила и территория Семиречья.

3. Район Семиречья окружали крупные буддийские центры, в том числе на территориях современного Узбекистана (Бухара) и Киргизии (район оз. Иссык-Куль).

4. Вдоль караванных путей по территории Семиречья веками шли паломники, святые, соединяя невидимыми нитями культурные центры Азии.

Таким образом, Ю.Н. Рерих утверждает, что на территории Семиречья, до X века включительно, существовало культурное пространство, сформированное философией буддизма и оставившее яркий след в устных и художественных традициях, мировоззрении здешних племен и народов в ходе неизбежного процесса исторической преемственности культур.

Изображения будд несут в себе философию высших достижений человеческого духа, его надземный, космический потенциал, сокрытый в символах. Недаром современные буддисты, посещающие урочище, преисполняются глубочайшим почтением к этому месту. Но эти изображения необходимо рассматривать и как произведения искусства, как уникальный след средневековой культуры многоликой Азии. В уверенной прорисовке линий чувствуется рука опытного мастера, прекрасно разбирающегося в буддийской символике, умеющего составить композицию, выдержать пропорции фигур и деталей. Немало почитаемых изображений оставил этот странник на своем пути, творя образы высших человеческих идеалов.

Сегодня уникальный культурный памятник находится в плачевном состоянии, на грани полной утраты. Простояв века, он разрушается от рук современных вандалов. Когда-то

Граффити на памятнике культуры

удаленное, ныне урочище стало легко доступным, а с ростом автомобилизации населения – одним из любимых мест воскресного отдыха жителей городов Алматы, Капчагая и поселков Талгарского района. Здесь регулярно проходят туристско-альпинистские сборы и другие массовые мероприятия. На изображениях будд видны сколы от пуль – в них стреляли, соревнуясь в меткости, неизвестные бравые парни. Поверх текстов возвышенного содержания – чьи-то «художества» и автографы цветной краской. Территория замусорена, разовые акции по ее очистке немногочисленными энтузиастами проблему не решают. Памятник не охраняется, хотя и внесен в списки областного центра по охране исторического и культурного наследия. Среди посетителей ущелья кто-то упорно распространяет слухи, что это «новодел», наскоро выполненный к съемкам какого-то фильма. И это также не способствует формированию уважительного отношения к уникальным рисункам и надписям на скалах. Специалистам-культурологам, администрации района, местной общественности и молодежным организациям пора осознать культурное значение этого комплекса и необходимость его сохранения для будущих поколений. История его создания и символы изображений вполне позволяют пре-

вратить урочище в туристический объект мирового уровня.

По утверждению Ф. Стобдана, «илийские письмена – мост между столетиями». Это знаки, полные неведомого нам смысла, неизвестных значений и хранящие до сужденного времени мудрые тайны. Знаки эти мы должны сохранить, чтобы когда-нибудь понять.

О преемственности времен у Н.К. Рериха есть прекрасные философско-поэтические строки:

*Мы не знаем. Но они знают.
Камни знают. Даже знают
деревья. И помнят.
Помнят, кто назвал горы
и реки. Кто сложил бывшие
города. Кто имя дал
незапамятным странам.
Неведомые нам слова.
Все они полны смысла.
Все полно подвигов. Везде
герои прошли. <...>
...Но выступают
священные знаки. Тогда,
когда нужно. Их не замечают.
Кто знает? Но они жизнь
построят. Где же
священные знаки?¹⁸*

¹⁷ См.: Рерих Ю.Н. Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы. Самара: ИД «Агни», 1999. С. 20–27.

¹⁸ Рерих Н.К. Цветы Мории. Минск: Изд-во Белорусского фонда Рерихов, 1997. С. 12.